

Будучи честным человеком, Бай Чэн, подумав, решил всё же поговорить с Се Синчжоу. Он подошел и остановился перед ним.

Все они вращались в шоу-бизнесе, где многое приходилось скрывать, и это было понятно всем. Бай Чэн говорил прямо, но тихо, лишь изредка используя взгляды и жесты для подкрепления своих слов. Это было настолько скрытно, что даже Цзянь Цзэ, не слыша слов, не понимал, что происходит. Но Цзянь Дунлинь всё понял. Будучи центром внимания, даже если Бай Чэн старался скрыть свои чувства, выражение отвращения на его лице было настолько явным, что могло ранить сердце.

Но что с того? Цзянь Дунлинь абсолютно не волновало это.

Его ненавидели многие, и Бай Чэн был лишь одним из них. А Се Синчжоу, его младший брат, не любил его уже давно. После скандалов с уводом парня, чернухой и отбором ролей, было бы странно, если бы Се Синчжоу всё ещё испытывал к нему хоть какие-то теплые чувства. Но даже если он не любил его, Цзянь Дунлинь знал, что Се Синчжоу не станет распускать слухи.

Он презирал сплетни, считая, что за спиной говорить недостойно благородного человека. Этот характер был одновременно глупым и милым, что заставляло Цзянь Дунлиня уважать его.

Что за радость в благородстве? Лучше быть коварным, это приносит больше пользы. Если бы не это, как бы он смог отбить Лу Жуня? Но это даже к лучшему. Чем более благородным был его брат, тем легче было им манипулировать. Ведь у таких людей есть принципы, и есть вещи, которые они не станут делать, а значит, им придется брать на себя вину за других.

— Папа, есть одна вещь, о которой я думал и решил тебе рассказать. В тот момент Цзянь Дунлинь мог бы тебя поддержать, но он...

— Синчжоу, прости.

Бай Чэн не успел закончить, как Цзянь Дунлинь, схватив его за подол, выступил вперед.

Он стоял спиной к Бай Чэну, лицом к Се Синчжоу, и выражение его лица было сложно разглядеть, но по голосу было слышно, что он чуть ли не плачет.

Что за чудовище?! Почему он, не оказав помощи, теперь плачет? Что он задумал? «Я слаб, поэтому я прав»? И теперь он хочет заставить Се Синчжоу простить его? Черт, это слишком жестоко! Бай Чэн, заядлый интернет-пользователь, прекрасно понимал такие трюки. Он широко раскрыл глаза, уставившись на Цзянь Дунлиня, и, как и ожидалось, в следующую секунду тот начал свою игру.

— Синчжоу, я ошибся, но я не хотел. Я просто испугался и поэтому отстранился! Ты не будешь на меня сердиться?

Конечно, Се Синчжоу должен был бы рассердиться, но Цзянь Дунлинь не дал ему и слова сказать, взяв на себя всю роль злодея, издевающегося над невинной жертвой.

— Не сердись на меня! Я действительно не хотел, я просто труслив, прошу, прости меня.

Слезы катились по лицу Цзянь Дунлиня.

Эта игра, где печаль течет рекой, была просто идеальной! Бай Чэн даже хотел ему аплодировать. Настолько он был хорош! Зачем он вообще переигрывал в других сценах? Он

должен играть подлых и жалких персонажей! Это бы точно вывело его на вершину!

— Эй, ты о чем плачешь? Папа ничего тебе не собирался говорить, о чем ты вообще плачешь?

— Бай Чэн взорвался.

Цзянь Дунлинь любил его за эту глупость. Он был идеальным союзником, который только подливал масла в огонь.

— Он не говорит, но в душе он меня винит. Но я действительно не хотел, я уже извинился, почему он не может меня простить? Я просто не успел среагировать, я был слишком напуган. Разве это преступление — бояться в такой ситуации? И он ведь не пострадал...

— Если бы не Цзян Цзэ, который среагировал так быстро, я бы, очнувшись, тоже его поддержал.

«Поддержу его, когда его лицо уже будет изуродовано!»

Цзянь Дунлинь плакал так, что едва мог дышать.

У Бай Чэна болела голова, и он даже немного растерялся. Смотрите, смотрите! Это же король актерской игры! Плачет так, что Бай Чэн даже почувствовал себя виноватым. Если бы он не знал истинной сущности Цзянь Дунлиня, сейчас он, скорее всего, стал бы его сообщником, заставляя Се Синчжоу простить его.

Ведь бояться — это не преступление, Се Синчжоу не пострадал, а Цзянь Дунлинь уже извинился, и сделал это так искренне.

Когда ситуация немного успокоилась, отношения между Цзянь Дунлинем и Се Синчжоу изменились. Теперь Се Синчжоу сидел, холодный и равнодушный, а Цзянь Дунлинь, мастер плача, тихо лил слезы, выглядел обиженным и несчастным. Это вызывало сочувствие, особенно у тех, кто был всего лишь наблюдателем и не мог понять всю глубину ситуации.

Они смотрели на это и думали, что Цзянь Дунлинь действительно несчастен.

— Это слишком. Разве он пострадал? Зачем так давить?

— Да, он уже так искренне извинился, почему нельзя простить?

— Не понимаю, что за человек этот Се Синчжоу. В такой ситуации, разве обязательно было бросаться под него? Разве он не человек, что считает себя выше всех?

— Это выглядит ужасно. Наверное, у них есть другие проблемы, и он просто использует это как повод.

Шепот был редким, так как режиссер Ван строго контролировал съемочную площадку, и большинство людей могли только украдкой наблюдать за происходящим.

Се Синчжоу сжал губы, и давно не проявлявшееся упрямство вновь появилось на его лице. Простить Цзянь Дунлиня он не мог. Или, может, притвориться слабым? Но это было не в его характере. В этот момент Се Синчжоу вдруг почувствовал неприязнь к самому себе. Он был слишком гордым и упрямым, хотя знал, что есть более простые способы разрешить ситуацию, но ни один из них он не хотел использовать.

Се Синчжоу с горькой усмешкой опустил голову.

Увидев это, Цзянь Дунлинь внутренне обрадовался. Всё идёт по плану...

— Ах!

Что за черт?! Только Цзянь Дунлинь начал улыбаться, как чашка вчерашнего чая вылилась ему на голову! Холодная вода заставила его вздрогнуть, он замер, не понимая, что происходит, как вдруг Цзянь Цзэ закричал:

— Эй, ты что делаешь? Я просто держал чашку, а ты на меня налетел! Уже холодно, я весь мокрый, я могу заболеть?!

Цзянь Дунлинь подумал: «Кто бы говорить! Ему вообще всю голову облили! И теперь на лбу еще и листья чая висят».

— Ты...

Бай Чэн протиснулся вперед, идеально выполнив сегодняшнюю задачу по захвату внимания. Всё в порядке, он полностью закрыл собой Цзянь Дунлиня, который был на голову ниже. Кто сможет его снять? Никто! Даже режиссер Ван не позволит!

— Ты бы извинился, разве это его вина, что ты на него налетел? Ты же сам держал чашку! — внезапно появился Су Сянь.

— Да, точно, разве это его вина, что он не помог? Конечно, нет! Тот, кто упал, сам виноват! — добавил Бай Чэн.

Цзянь Цзэ подхватил, обменявшись с ними взглядом:

— Да-да, это всё моя вина, я плохой! Ты простишь меня, ведь тебя лишь немного обрызгало, ты же не пострадал!

Цзянь Дунлинь был готов схватиться за нож.

Но Цзянь Цзэ не дал ему шанса, сразу же начав:

— Как ты можешь так поступать? Я же извинился, почему ты не можешь меня простить? Я не хотел, я не знал, что кто-то такой низкий врежется в мою чашку! Разве это не нормально, что я её уронил? И я же не на тебя лил, всё на себя!

— Да, ты должен его простить, не будь таким упрямым, он уже извинился. — Бай Чэн начал изображать из себя зрителя.

— Именно, ты же не пострадал, зачем так цепляться?

— Не понимаю, зачем ты так раздуваешь из этого проблему. Может, это личное?

— Хватит, прими его извинения, он же ещё ребенок. — Су Сянь накинул полотенце на голову Цзянь Дунлиня. — Режиссер скоро начнёт снимать, тебе бы подправить макияж, а то удержишь всю группу!

Трое мужчин могли быть шумнее сотни уток, и Цзянь Дунлинь так и не смог вставить слово, его просто увели.

Он был крайне обижен, глаза его блестели от слез, и он смотрел на режиссера, наблюдающего

за происходящим.

Режиссер видел это, но, будучи профессионалом, он сразу же отвёл взгляд, воскликнув:

— Восхитительно! Тао Тао, ты как думаешь?

— Да-да, я тоже так думаю!

— Тогда напиши сценарий, пусть это будет дворцовая драма, и добавь туда мужчину-соблазнителя, который умеет плакать и переворачивать всё с ног на голову. Я уже даже актера выбрал! Спасибо.

— А какой будет конец?

— Что за вопрос? В мире много умных людей, такой «мужской Дацзи» точно получит своё наказание. Спасибо.

<http://bllate.org/book/16426/1488811>